

Тезаурусный «парадокс Элиота» и понятие «взаимоотражение» в художественной культуре*

Вл. А. Луков

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Взаимоотражение — взаимное восприятие, понимание и освоение различных во времени и пространстве культур, вступивших в диалог, термин тезаурусного анализа, обоснованием которого в статье становится выявление «парадокса Элиота», отмечающего присутствие культурных явлений Прошлого в Настоящем.

Ключевые слова: тезаурусный анализ, парадокс Элиота, взаимоотражение, литература, художественная культура.

Существует фундаментальное противоречие истории художественной культуры как научной дисциплины, которое было бы справедливо назвать «парадоксом Элиота».

Сам Т. С. Элиот, крупнейший англо-американский поэт XX в. и теоретик культуры, кажется, этого парадокса не заметил. В своей ставшей впоследствии знаменитой статье «Традиция и индивидуальный талант» («Tradition and the Individual Talent»), опубликованной в журнале «Эгоист» (1919, в. 6, № 4) и затем помещенной в сборник эстетических работ «Священный лес» («The Sacred Wood», 1920), Элиот разработал два культурологических принципа: принцип функциональной традиции, согласно которому в ходе творчества поэт должен держать в голове культурные достижения прошлого — традицию и одновременно понимать, что любое вновь создаваемое произведение искусства меняет значение и содержание традиции; и принцип «деперсональности» искусства, согласно которому поэзия служит не для «самовыражения» поэта, а для сохранения исторического опыта человечества в формах искусства. Именно внутри элиотовского размышления о сущности традиции появился пассаж, в некотором роде частное замечание, которое должно нас привлечь в связи с рассматриваемым вопросом, поэтому имеет смысл привести достаточно обширную цитату из статьи. Т. С. Элиот писал: «Конечно, если бы единственная форма традиции, усвоения прошлого, заключалась в беспрекословном следовании путями, проторен-

ными предшествовавшим нам поколением, в робком и слепом копировании его достижений, то такая «традиция» не представляла бы для нас никакого интереса. На нашей памяти немало таких бесхитростных ручейков, вскоре терявшихся в песках; в этом случае новизна лучше повторения. Однако традиция — понятие гораздо более широкое и значительное. Ее нельзя унаследовать, и, если вы хотите приобщиться к ней, вам придется немало потрудиться. Традиция прежде всего предполагает чувство истории, совершенно необходимое каждому, кто хотел бы остаться поэтом, перешагнув рубеж двадцатипятилетия; в свою очередь, это чувство истории предполагает ощущение прошлого не только как прошедшего, но и как настоящего; оно побуждает человека творить, ощущая в себе не только собственное поколение, но и всю европейскую литературу, начиная с Гомера (а внутри нее — и всю литературу своей собственной страны), как нечто существующее единовременно, образующее единовременный ряд. Это чувство истории — чувство непреходящего и преходящего, ощущение слитности непреходящего и преходящего — как раз и определяет принадлежность писателя к традиции. И именно оно позволяет писателю с особой остротой осознать свое место во времени, свою современность» (Элиот, 1987: 170).

В известной работе Рене Уэллека и Остина Уорнера «Теория литературы» (написанной в 1944–1946 гг., вышедшей в 1949 г. (Wellek, Warren, 1949), затем в США и Англии в 1956 г.,

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-04-12028в).

затем неоднократно переиздававшейся, в том числе в дешевых массовых изданиях, и переведенной на различные языки, что и обеспечило ей широкое международное признание) есть ссылака на эту статью Элиота, но совсем не для обоснования концепции традиции, поэтому Р. Уэллек, писавший соответствующий раздел, из приведенного выше пассажа процитировал лишь следующее: «Вся европейская литература, начиная с Гомера, существует одновременно и располагается в порядке одновременного присутствия» (Уэллек, Уоррен, 1978: 272)¹.

Автору теории литературы было необходимо доказать тезис о непродуктивности создания истории литературы, самого принципа историзма в исследовании явлений художественной культуры. Поэтому из элиотовского размышления об историзме в мышлении поэта были выбраны только слова, которые можно противопоставить историческому подходу к памятникам прошлых культур. Р. Уэллек, сторонник антиисторизма в исследовании литературы как части культуры, нашел и более ранние, более безапелляционные заявления о том, что у литературы нет истории. Ученый вспоминает в этой связи об английском литературоведе Уильяме Пейтоне Кере, авторе работ «Эпос и роман» (1897), «Опыт о средневековой литературе» (1905), т. е. об исследователе литературного материала, явно отстоящего от современности на большую историческую дистанцию, но последовательном противнике исторического подхода к литературе: «У. П. Кер, например, полагал, что никакой истории литературы не нужно, поскольку художественные произведения существуют данные раз и навсегда, они «вечны», «истории» в строгом смысле слова у них нет» (Уэллек, Уоррен, 1978: 271–272).

Уильям Пейтон Кер, автор работ «Эпос и роман: Эссе о средневековой литературе» (1897), «Искусство поэзии» (1923), многочисленных эссе о литературе XVI–XIX вв. (Кер, 1968) продолжал в новейшую эпоху аргументировать свою позицию способом, близким к тому, каким классицисты XVII в. характеризовали эстетический идеал: для них он был вечным, универсальным, достигнутым в античном искусстве, и поэтому подражание антич-

ности устанавливалось как незыблемое правило, без учета исторической дистанции. Собственно, вплоть до Гердера и романтиков (если не считать эпизода «спора древних и новых») оснований для появления истории литературы, по существу, не было. Литературоведение сводилось к поэтике, понимаемой как система «вечных», объективных, установленных еще Аристотелем правил, а писатели и произведения оценивались на основании того, насколько эти правила реализованы.

Однако Т. С. Элиоту такая позиция была чужда. Конечно, в это время он начал разрабатывать свою концепцию неоклассицизма (о неоклассицизме см.: Луков Вл. А., Трыков, 2011), что могло бы его сблизить и с мыслителями XVII в., и с Кером, но его мысль, вырванная Р. Уэллеком из контекста для обоснования отказа от истории литературы как научной дисциплины, должна быть интерпретирована иначе. Существенно, что у Т. С. Элиота, во-первых, рассматриваемое положение парадоксально в контексте рассуждения об историческом взгляде, о традиции в искусстве, во-вторых, оно обретает лаконичную форму постулата, а не расплывчатого рассуждения, в-третьих, скрыто соотносится не с «вечным», а с настоящим, не с объективным положением вещей, а с их субъективным восприятием. Именно поэтому мы говорим не о «парадоксе Кера», а о «парадоксе Элиота» — как парадоксе восприятия литературы и — шире — всей художественной культуры.

Своим «парадоксом» Элиот предвосхитил тезаурусный анализ культуры (см.: Луков Вал., Луков Вл., 2004, 2005, 2008; Луков Вл., 2006б, 2010, 2011б; Захаров, 2007, 2008; Костина, 2008; Гайдин, 2009; Луков Вл., Захаров, Кислицын, 2011 и др.). Несомненно, его формулировка должна быть в одном отношении расширена: она применима не только к европейской литературе, но и к литературе, художественной культуре всего мира.

В то же время тезаурусный подход подсказывает, что в другом отношении она должна быть сужена. Что значит «вся литература»? За всю жизнь человек может прочесть несколько тысяч книг. Индивидуальный тезаурус больше не может вместить. Но книг на Земле — мил-

лионы. Не может быть всеохватным и групповой тезаурус, как бы ни велика была сама группа. И даже совокупный тезаурус человечества (если вообразить такой объект исследования) не вмещает в себя всю литературу, в частности и по историческим причинам.

Так, Лопе де Вега написал от 1500 до 2500 пьес, но из них по названиям известны 726 пьес и 47 ауто (жанр религиозной пьесы), сохранилось лишь 470 текстов, более 250 комедий известны только по названиям и до сих пор не обнаружены. Так что не только ни один ученый мира не сможет изучить драматургию Лопе де Вега в полном объеме, но и в распоряжении совокупного человеческого тезауруса оказывается чуть ли не третья (или даже пятая) часть написанного Лопе де Вега в драматургических жанрах (а он был еще поэтом, романистом, новеллистом и т. д.).

Иначе говоря, «парадокс Элиота» действует только в пределах тезауруса, имеет отношение не к объективной, а к субъективной характеристике истории литературы, культуры. Но он подтверждает необходимость, неизбежность применения тезаурусного подхода к построению истории литературы. Более того, литература в «парадоксе Элиота» оказывается лишь частным случаем всего здания художественной культуры и культуры в целом, в нем отразились первичные, а потому наиболее фундаментальные ее свойства.

«Парадокс Элиота» становится теоретическим основанием для создания концепции взаимоотношения литератур (поскольку сам Элиот в приведенном высказывании упоминает только литературу, сузим сферу художественной культуры до этого ее раздела для получения более строго очерченных выводов).

Сравнительно-исторический метод в литературоведении, пришедший из языкознания, где его основали Франц Бопп, Расмус Раск, братья Гримм, Александр Востоков; в литературоведении утверджен Теодором Бенфеєм в его «теории заимствований», изложенной в 1859 г., позже развит Гастоном Парисом и особенно А. Н. Веселовским (см.: Веселовский, 2006; Шайтанов, 2007), в настоящее время достиг расцвета под названием «компаративистика» (см.: Луков Вл., 2011). Именно

этот научный метод утвердил представление о литературном влиянии: читая и изучая тексты предшественников, следующие за ними авторы используют (нередко бессознательно) поразившие их образы, сюжеты, принципы, приемы, отдельные фразы и слова и т. д. Влияние может оказывать также фольклор, весьма привлекательным может стать исследование влияния других искусств, философских учений, наук (истории, психологии, этнографии, в отдельных жанрах — естественных наук, техники, например в научной фантастике), журналистики, новых технических средств (например, глобальных систем коммуникации). Этот взгляд на формирование новых произведений стал определяющим в постмодернизме с его учением об интертексте и интертекстуальности как фундаментальном свойстве текстов литературы (см.: Федотов, 2008). Ограничение в первоначальном (сравнительно-историческом) и продвинутом (постмодернистском) исследовании сходное: необходимо доказать наличие контактных связей, показывающих, что автор знал текст, чье влияние на его творчество предполагается (доказательство достигается текстологическим анализом, выявлением прямых и косвенных указаний в самом тексте, в письмах, дневниках, воспоминаниях современников, архивных документах и т. д.). Пример: мы хотим доказать влияние Шекспира на Пушкина, для этого мы находим прямые указания на это у самого Пушкина в его статьях и письмах (фразы «По примеру отца нашего Шекспира» и тому подобные), обнаруживаем использование его сюжетов и текстов (поэма Пушкина «Анджело» по мотивам «Меры за меру» Шекспира), жанровых особенностей (черты исторической хроники в «Борисе Годунове»), белого стиха, подобного шекспировскому, цитаты по-английски (см. весь объем этой работы в исследованиях: Захаров, 2003, 2008).

В 1970–1980-е годы в литературоведении укрепился во многом альтернативный подход — типологический анализ. Он основан на правомерности сопоставлений при заведомой невозможности контактов или вне задачи их установления. Основная его идея: если в различных регионах возникли сходные историче-

ские условия, это неизбежно отразится на сходстве литературных памятников этих регионов. Академик Н. И. Конрад в ряде работ показал, что в литературах Востока в определенное время происходили те же или сходные процессы, что и в литературах Запада, при отсутствии межрегиональных контактов (Конрад, 1959, 1961, 1972). Он вывел закономерность: «Решающее условие возникновения однотипных литератур — вступление разных народов на одну и ту же ступень общественно-исторического и культурного развития и близость форм, в которых это развитие проявляется» (Конрад, 1957: 303). Типологический подход в более строгой форме, носящей явный отпечаток системно-структурного подхода, был сформулирован И. Г. Неупокоевой в ее фундаментальном труде «История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа» (Неупокоева, 1976). Отдельные успехи в применении типологического подхода на обширном материале (см., напр.: Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада, 1974; Мелетинский, 1983) не привели к разрешению всех проблем.

Историко-теоретический подход, связанный с концепцией «теоретической истории» Д. С. Лихачева, с идеями А. Ф. Лосева, трудами Б. И. Пуришева, Н. П. Михальской, Ю. Б. Виппера и др. (см.: Луков Вл., 2006а, 2007, 2011а) соединил черты сравнительно-исторического и типологического анализа в новую систему анализа литературного процесса, где факты контактных связей и связей типологических (не требующих доказательства контактов) нашли свое место в общей концепции.

Но во всех названных парадигмах литературоведческого исследования не могло появиться полнокровное представление о литературных взаимоотражениях.

С неожиданной стороны вошло в литературоведение представление о «взаимовлиянии» (как шаге на пути формирования концепции о «взаимоотражениях») благодаря работам по рецептивной эстетике. Пражский структурлист Феликс Водичка еще в 1940-е годы в работе «История литературы, ее проблемы и задачи» поставил вопрос о том, кто должен рас-

сматриваться в качестве реципиента и каковы его функции в освоении художественных текстов, о рецептивных критериях и нормах. Он полагал, что целью исследования могут быть лишь те тексты, которые показывают, как происходит «встреча» двух структур (произведения и конкретной исторической эпохи). При этом для него принципиально важно, какие литературные нормы существуют в данную историческую эпоху и кто является реципиентом. В понимании Ф. Водички реципиентом должен быть наиболее яркий представитель установленной литературной нормы, а им может быть только литературный критик, получающий статус «попечителя литературной нормы» (см.: Современное зарубежное литературоведение, 1996: 130).

Но рецептивная эстетика, которая могла бы стать заметным явлением еще в 1940-е годы, была оттеснена структурализмом (в том числе и в работах самого Ф. Водички). Только после появления работ Харольда Блума и Ханса Роберта Яусса она привлекла к себе широкое внимание.

Х. Блум связывает понятие рецепции с процессом «взаимовлияния». В работе «Страх влияния» (Bloom, 1973; Блум, 1998) он утверждает, что влияние менее всего выражается в имитации воспринятых образов, стилей и идей. Процесс «взаимовлияния», по Х. Блуму, происходит между текстом и читателем в специфически культурном контексте. Это означает, что читатель, вступая в диалог с авторским текстом, трансформирует смысл этого текста в процессе восприятия. Х. Блум предлагает концепцию читателя как активной трансформирующей силы, т. е., собственно говоря, приходит к тем же заключениям, что и А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский.

В работах Х. Р. Яусса о литературе и рецептивной эстетике (Jauss, 1967, 1982; Яусс, 1995) подчеркивается необходимость отхода от традиций эстетики нормативной, от неизбежности установленных канонов, регламентации литературы, всего того, что затрудняет возможность интерпретации литературных произведений.

Х. Р. Яусс и Х. Блум доказывают, что существенное влияние авторских текстов на реци-

пиентов не препятствует наличию многообразных трактовок. Оба ученых утверждают, что смысл прочитанного постигается только в процессе сложного взаимодействия между читателем и текстом. Однако каждому субъекту, каждой исторической эпохе, указывают они, присущи свое видение текста и своя интерпретация авторского смысла, зависящие от литературных конвенций той или иной эпохи, от эстетического опыта читателя. Главное, на что указывают Х. Р. Яусс и Х. Блум и чем существенно отличается их рецептивная идея от идей большинства отечественных литературных теоретиков, заключается в следующем: в рецепции нужно уделять внимание не только личности исследуемого писателя, но и личности самого реципиента, его «горизонту ожидания».

С появлением тезаурусного подхода положение изменилось. В нем был осмыслен «парадокс Элиота», располагающий все литературные тексты в одной плоскости — в плоскости современности (Луков Вал., Луков Вл., 2008: 369–371). Здесь уместен новый термин, отражающий это обстоятельство. Нами выбран термин «взаимоотражение» (Луков Вл., Луков Вал., 2007; Луков Вл., 2008; Горизонты гуманитарного знания, 2011: 200–227). Будем считать его новым культурологическим термином для характеристики особой формы диалога культур. Понимание такого диалога через взаимоотражения вытекает из тезаурусного подхода в гуманитарном знании. При этом подходе взаимоотражение в наиболее общем виде описывает ситуацию встречи двух тезаурусов, ту форму, которую приобретает их диалог, последствия этого диалога.

При всей схожести терминов «взаимовлияние» и «взаимоотражение» они относятся к разным феноменам. Взаимовлияние — это частный случай литературного влияния. В рамках создания текстов оно может использоваться довольно редко (примерами взаимовлияний являются влияния писателей-друзей друг на друга, например Гете и Шиллера, Вордсворта и Кольриджа, Байрона, Шелли и Мери Шелли, Верлена и Рембо, соавторов — братьев Гонкуров, Ильфа и Петрова и т. д.). Совершенно очевидно, что некорректно ис-

пользовать этот термин в иных случаях, например говорить о взаимовлиянии Пушкина и Шекспира: Шекспир мог влиять на Пушкина, но Пушкин на Шекспира никак не мог бы повлиять. Расин не мог влиять на Еврипида и Сенеку, Руссо — на Августина, Толстой — на Гомера, Акутагава Рюноске или Кафка — на Достоевского и т. д. Рецептивная эстетика показала, что взаимовлияние надо искать в иной плоскости, подразумевая не создание текста, а его чтение (рецепцию): взаимовлияние можно усмотреть в акте общения читателя с литературным произведением и понимания текста.

Взаимоотражение в тезаурусном подходе вбирает все эти названные смыслы, но переводит их в новую плоскость рассмотрения: в процесс взаимоотражения вступают не писатели, не писатели и читатели, а читатели как представители диалога различных культур (в этом смысле — и писатели как часть социума). Взаимоотражение — это характеристика культурных тезаурусов, вступивших в соприкосновение, достигшее стадии диалога. Всякий раз культурный диалог сопровождается процессом взаимоотражения — самостоятельного (специфического для культур, вступивших в диалог) восприятия, понимания и освоения чужой литературы. Итак, представители тезаурусного подхода вносят новые представления в компаративистику: помимо влияний, взаимовлияний они исследуют и взаимоотражения, которые описывают ситуацию встречи двух культурных, литературных тезаурусов, ту форму, которую приобретает их диалог, последствия этого диалога. Но одновременно это и вклад в культурологию: через взаимоотношения, основанные на литературной почве, проступают контуры более масштабного соприкосновения культур Земли.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Перевод согласно цитируемому источнику, в подлиннике: «...the whole of the literature of Europe from Homer and within it the whole literature of his own country has a simultaneous existence and composes a simultaneous order» (Eliot, 1979: 2294).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блум, Х. (1998) Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та.
- Веселовский, А. Н. (2006) Избранное : Историческая поэтика / вступ. ст., коммент., сост. И. О. Шайтанова. М. : РОССПЭН.
- Гайдин, Б. Н. (2009) Вечные образы как константы культуры (интерпретация «гамлетовского вопроса») : дис. ... канд. филос. наук. М.
- Горизонты гуманитарного знания (2011) : В честь 75-летия Игоря Михайловича Ильинского : монография / Вал. А. Луков (рук.), Вл. А. Луков, Б. Г. Юдин и др. ; под общ. ред. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. М. : ГИТР.
- Захаров, Н. В. (2003) Шекспир в творческой эволюции Пушкина. Juväskylä.
- Захаров, Н. В. (2007) Тезаурусный анализ предромантизма // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 221–223.
- Захаров, Н. В. (2008) Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.
- Конрад, Н. И. (1957) К вопросу о литературных связях // Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и языка. Т. 16. Вып. 4. С. 301–310.
- Конрад, Н. И. (1959) Проблемы современного сравнительного литературоведения. К дискуссии о взаимосвязи и взаимодействии национальных литератур // Известия АН СССР. Отд. лит-ры и языка. Вып. 4. С. 315–333.
- Конрад, Н. И. (1961) Литературы народов Востока и вопросы общего литературоведения // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур : материалы дискуссии, 11–15 янв. 1960 г. М. : Изд-во АН СССР. С. 158–173.
- Конрад, Н. И. (1972) Запад и Восток : ст. 2-е изд. М. : Наука.
- Костина, А. В. (2008) Тезаурусный подход как новая парадигма гуманитарного знания // Обсерватория культуры. № 5. С. 102–109.
- Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2004) Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 93–100.
- Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2005) Тезаурусный анализ мировой культуры // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. тр. Вып. 1. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 3–14.
- Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурус: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Национального ин-та бизнеса.
- Луков, Вл. А. (2006а) Д. С. Лихачев и его теоретическая история литературы // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 124–134.
- Луков, Вл. А. (2006б) Европейская культура Нового времени: Тезаурусный анализ : монография / отв. ред. Вал. А. Луков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.
- Луков, Вл. А. (2007) Мировая литература как предмет научного исследования: историко-теоретический и тезаурусный подходы // Филология и человек. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та. № 1. С. 7–13.
- Луков, Вл. А. (2008) Россия и Европа: взаимодействие литератур // XX Пуришевские чтения: Россия в культурном сознании Запада : сб. ст. и материалов / отв. ред. М. И. Никола. М. : МПГУ. С. 84–86.
- Луков, Вл. А. (2010) Шекспир в русском культурном тезаурусе // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 254–257.
- Луков, Вл. А. (2011а) Академик Д. С. Лихачев и его концепция теоретической истории литературы : монография. М. : ГИТР.
- Луков, Вл. А. (2011б) Возможности культурологии как парадигмы гуманитарного знания // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 68–71.
- Луков, Вл. А. (2011с) Компаративистика // Новая Российская энциклопедия : в 12 т. / редкол.: А. Д. Некипелов, В. И. Данилов-Данильян и др. Т. 8 (2) : Когезия — Костариканцы. М. : Энциклопедия ; Инфра-М. С. 175–176.
- Луков, Вл. А., Захаров, Н. В., Кислицын, К. Н. (2011) История культуры в тезаурусном освещении // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 293–296.
- Луков, Вл. А., Луков, Вал. А. (2007) Шекспир и проблема взаимоотражения литератур // Шекспировские студии V: Шекспир во взаимоотражении литератур : сб. науч. тр. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 3–17.
- Луков, Вл. А., Трыков, В. П. (2011) Неоклассицизм // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 275–277.
- Мелетинский, Е. М. (1983) Средневековый роман: Происхождение и классические формы. М. : Наука.
- Неупокоева, И. Г. (1976) История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа. М. : Наука.
- Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины (1996) : энциклопедический справочник. М. : Intrada.
- Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада (1974) / отв. ред. Б. Л. Рифтин. М. : Наука.
- Уэллек, Р., Уоррен, О. (1978) Теория литературы. М. : Прогресс.
- Федотов, О. И. (2008) Интертекстуальность // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 244–245.

Шайтанов, И. О. (2007) Историческая поэтика А. Н. Веселовского: сравнительный метод // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 170–175.

Элиот, Т. С. (1987) Традиция и индивидуальный талант // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты. Статьи. Эссе / сост., общ. ред. Г. К. Косикова; пер. Н. М. Пальцева. М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 169–176.

Яусс, Х. Р. (1995) История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. № 12. С. 34–84.

Bloom, H. (1973) *The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry*. N. Y.: Oxford University Press.

Eliot, T. S. (1979) *Tradition and the Individual Talent* // *The Norton Anthology of English Literature* / ed. by M. H. Abrams; 4th ed. Vol. 2. N. Y.; L.: W.W. Norton and Co. P. 2293–2300.

Jauss, H. R. (1967) *Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft*. Konstanz.

Jauss, H. R. (1982) *Toward an Aesthetic of Reception*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Ker, W. P. (1968) *Collected Essays: Vol. 1–2* / ed. with an introd. by Charles Whibley. N. Y.: Russell & Russell.

Wellek, R., Warren, A. (1949) *The Theory of Literature*. N. Y.: Harcourt, Brace and Co.

*THE THESAURUS «PARADOX OF ELIOT»
AND THE CONCEPT «INTERREFLECTION»
IN ARTISTIC CULTURE*

Vi. A. Lukov

(Moscow University for the Humanities)

Interreflection is a mutual perception, understanding and assimilation of cultures that differ in time and space but have come into dialogue. It is a term of the thesaurus approach. In the article the author suggests a definition of the «Eliot's paradox» as a substantiation of this term. This paradox marks the presence of the cultural phenomena of the Past and the Present.

Keywords: the thesaurus approach, Eliot's paradox, interreflection, literature, artistic culture.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Blum, Kh. (1998) *Strakh vliianiia. Karta perechityvaniia*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta.

Veselovskii, A. N. (2006) *Izbrannoe: Istoricheskaia poetika / vstup. st., komment., sost. I. O. Shaitanova*. M.: ROSSPEN.

Gaidin, B. N. (2009) *Vechnye obrazy kak konstanty kul'tury (interpretatsiia «gamletovskogo voprosa»): dis. ... kand. filos. nauk*. M.

Gorizonty gumanitarnogo znaniia (2011): *V chest' 75-letii Igoria Mikhailovicha Il'inskogo: monografiia* / Val. A. Lukov (ruk.), Vl. A. Lukov,

B. G. Iudin i dr.; pod obshch. red. Val. A. Lukova, Vl. A. Lukova. M.: GITR.

Zakharov, N. V. (2003) *Shekspir v tvorcheskoj evoliutsii Pushkina*. Jyväskylä.

Zakharov, N. V. (2007) *Tezaurusnyi analiz predromantizma* // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. № 1. S. 221–223.

Zakharov, N. V. (2008) *Shekspirizm russkoi klassicheskoi literatury: tezaurusnyi analiz*. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta.

Konrad, N. I. (1957) *K voprosu o literaturnykh svyaziakh* // *Izv. AN SSSR. Otd. lit-ry i iazyka*. T. 16. Vyp. 4. S. 301–310.

Konrad, N. I. (1959) *Problemy sovremenno-go sravnitel'nogo literaturovedeniia. K diskussii o vzaimosvyazi i vzaimodeistvii natsional'nykh literatur* // *Izvestiia AN SSSR. Otd. lit-ry i iazyka*. Vyp. 4. S. 315–333.

Konrad, N. I. (1961) *Literaturny narodov Vostoka i voprosy obshchego literaturovedeniia* // *Vzaimosvyazi i vzaimodeistvie natsional'nykh literatur: materialy diskussii, 11–15 ianv. 1960 g.* M.: Izd-vo AN SSSR. S. 158–173.

Konrad, N. I. (1972) *Zapad i Vostok: st. 2-e izd.* M.: Nauka.

Kostina, A. V. (2008) *Tezaurusnyi podkhod kak novaia paradigma gumanitarnogo znaniia* // *Observatoriia kul'tury*. № 5. S. 102–109.

Lukov, Val. A., Lukov, Vl. A. (2004) *Tezaurusnyi podkhod v gumanitarnykh naukakh* // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. № 1. S. 93–100.

Lukov, Val. A., Lukov, Vl. A. (2005) *Tezaurusnyi analiz mirovoi kul'tury* // *Tezaurusnyi analiz mirovoi kul'tury: sb. nauch. tr.* Vyp. 1. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. S. 3–14.

Lukov, Val. A., Lukov, Vl. A. (2008) *Tezaurusy: Sub'ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia*. M.: Izd-vo Natsional'nogo in-ta biznesa.

Lukov, Vl. A. (2006a) *D. S. Likhachev i ego teoreticheskaia istoriia literatury* // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. № 4. S. 124–134.

Lukov, Vl. A. (2006b) *Evropeiskaia kul'tura Novogo vremeni: Tezaurusnyi analiz: monografiia* / otv. red. Val. A. Lukov. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta.

Lukov, Vl. A. (2007) *Mirovaia literatura kak predmet nauchnogo issledovaniia: istoriko-teoreticheskii i tezaurusnyi podkhody* // *Filologiya i chelovek*. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta. № 1. S. 7–13.

Lukov, Vl. A. (2008) *Rossia i Evropa: vzaimootrazhenie literatur* // *XX Purishevskie chteniia: Rossia v kul'turnom soznanii Zapada: sb. st. i materialov* / otv. red. M. I. Nikola. M.: MPGU. S. 84–86.

Lukov, V. A. (2010) Shekspir v ruskom kul'turnom tezauruse // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2010. № 1. S. 254–257.

Lukov, V. A. (2011a) Akademik D. S. Likhachev i ego kontseptsia teoreticheskoi istorii literatury : monografiia. M. : GITR.

Lukov, V. A. (2011b) Vozmozhnosti kul'turologii kak paradigmy gumanitarnogo znaniia // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 1. S. 68–71.

Lukov, V. A. (2011s) Komparativistika // Novaia Rossiiskaia entsiklopediia : v 12 t. / redkol.: A. D. Nekipelov, V. I. Danilov-Danil'ian i dr. T. 8 (2) : Kogezia — Kostarikantsy. M. : Entsiklopediia ; Infra-M. S. 175–176.

Lukov, V. A., Zakharov, N. V., Kislitsyn, K. N. (2011) Istoriia kul'tury v tezaurusnom osveshchenii // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 2. S. 293–296.

Lukov, V. A., Lukov, Val. A. (2007) Shekspir i problema vzaimootrazheniia literatur // Shekspirovskie shtudii V: Shekspir vo vzaimootrazhenii literatur : sb. nauch. tr. M. : Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. S. 3–17.

Lukov, V. A., Trykov, V. P. (2011) Neo-klassitsizm // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 4. S. 275–277.

Meletinskii, E. M. (1983) Srednevekovyi roman: Proiskhozhdenie i klassicheskie formy. M. : Nauka.

Neupokoeva, I. G. (1976) Istoriia vseмирnoi literatury: Problemy sistemnogo i sravnitel'nogo analiza. M. : Nauka.

Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie (strany Zapadnoi Evropy i SShA): kontseptsii, shkoly, terminy (1996) : entsiklopedicheskii spravochnik. M. : Intrada.

Tipologii i vzaimosvazi srednevekovykh literatur Vostoka i Zapada (1974) / otv. red. B. L. Riftin. M. : Nauka.

Uellek, R., Uorren, O. (1978) Teoriia literatury. M. : Progress.

Fedotov, O. I. (2008) Intertekstual'nost' // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 1. S. 244–245.

Shaitanov, I. O. (2007) Istoricheskaia poetika A. N. Veselovskogo: sravnitel'nyi metod // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 3. S. 170–175.

Eliot, T. S. (1987) Traditsiia i individual'nyi talant // Zarubezhnaia estetika i teoriia literatury XIX–XX vv.: Traktaty. Stat'i. Esse / sost., obshch. red. G. K. Kosikova ; per. N. M. Pal'tseva. M. : Izd-vo Mosk. un-ta. S. 169–176.

Iauss, Kh. R. (1995) Istoriia literatury kak provokatsiia literaturovedeniia // Novoe literaturnoe obozrenie. № 12. S. 34–84.

Bloom, H. (1973) The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry. N. Y. : Oxford University Press.

Eliot, T. S. (1979) Tradition and the Individual Talent // The Norton Anthology of English Literature / ed. by M. H. Abrams; 4th ed. Vol. 2. N. Y. ; L. : W.W. Norton and Co. P. 2293–2300.

Jauss, H. R. (1967) Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft. Konstanz.

Jauss, H. R. (1982) Toward an Aesthetic of Reception. Minneapolis : University of Minnesota Press.

Ker, W. P. (1968) Collected Essays: Vol. 1–2 / ed. with an introd. by Charles Whibley. N. Y. : Russell & Russell.

Wellek, R., Warren, A. (1949) The Theory of Literature. N. Y. : Harcourt, Brace and Co.

Научная жизнь

6 декабря 2011 г. ректор МосГУ, академик, президент Международной академии наук (IAS, Инсбрук), академик Академии изящной словесности, член Союза писателей РФ, профессор И. М. Ильинский вручил специальную Бунинскую премию Попечительского совета известному отечественному писателю Д. А. Гранину.

Торжественная церемония состоялась в стенах Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов с участием представителей культурной элиты Северной столицы, ученых и преподавателей вузов.

Лауреат представил свою последнюю книгу «Мой лейтенант». Вел собрание ректор СПбГУП, доктор культурологии, проф., акад., член Президиума РАО, заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга, заслуженный деятель науки РФ А. С. Запесоцкий, которому в завершение торжества И. М. Ильинский, как президент Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области, от имени Президиума СНВ вручил медаль Н. Н. Моисеева «За заслуги в образовании и науке».